

«Мы никогда не падали духом»

Участник обороны Ленинграда Антонина Санышева рассказала о стойкости жителей блокадного города

Тольяттинцы вместе со всей страной отметили 70-летие полного снятия блокады Ленинграда. Все меньше остается тех, кто своими глазами видел происходившее с 1941 по 1943 год в городе-герое на Неве и может рассказать правду последующим поколениям. В Тольятти осталось всего несколько десятков блокадников, почти все дети войны. Антонина Сергеевна Санышева — коренная ленинградка, участник обороны Ленинграда. Как и в большинстве ленинградцев, в ней непосредственным образом сочетаются непосредственность, интеллигентность и энтузиазм.

Несмотря на почтенный возраст, Антонина Сергеевна по мере сил участвует в общественной жизни ветеранов Автозаводского района Тольятти. Она радушно встречает корреспондента «Площади СВОБОДЫ», с интересом слушает наши вопросы и за словом в карман не лезет... «Я вместе с Петенькой», — просит она подать с полки бронзовую статуэтку царя — основателя Санкт-Петербурга, когда приходит время сфотографироваться.

Родилась Антонина Санышева в Ленинграде в 1926 году в простой рабочей семье. Отец был рабочим на заводе «Металлург», мама — домохозяйкой.

— Нас было пятеро детей, — рассказывает Антонина Сергеевна. — Один сын — старший, и остальные девочки. Я была средним ребенком. Мы жили на Васильевском острове в двухэтажном деревянном доме на 24-й линии — так назывались улицы. У нас была довольно добротная квартира — с паркетом, электричеством, централизованным водопроводом, керосиновым отоплением. Вокруг были такие же деревянные дома для рабочих, хотя встречались дореволюционные особняки вроде современных коттеджей. Помню, как по утрам мама варила нам «какавеллу» — как мы ее называли — то ли кофе второго сорта, то ли какао.

— Когда началась война, вам было 15 лет?

— Да, 22 июня мы со старшей сестрой Сашей были на стадионе и услышали по радио выступление Молотова о том, что без объявления войны германские войска напали на нашу страну. Мы очень испугались, но в то же время были уверены, что враг скоро будет разбит, победа будет за нами! Эту уверенность мы сохраняли даже в самые страшные дни блокады. Тем более что воевать ушли наш папа и старший брат. Так же думали в целом все ленинградцы. Мы не падали духом и никогда не сомневались, что победим!

Предателя унынию у нас не было времени. Дети в то время чувствовали большую заботу о себе со стороны государства, и нас все время занимали общественной работой. Практически сразу нас с сестрой (она была старше на два года) отправили рыть окопы на подступах к Ленинграду. Мы рыли в одном месте, мама — в другом. Вскоре эти окопы заняли немцы и еще лучше там укрепились, но мы не отчаивались.

Налеты немецкой авиации на Ленинград начались практически на следующий день после начала войны. Было очень страшно. До сих пор помню вой сирен и слова из громкоговорителя: «Внимание, внимание! Говорит штаб противовоздушной обороны. Воздушная тревога!» И мы бежали в укрытие. Помню, как мы с сестрой первый раз попали под обстрел. Пули прыгают, прыгают по асфальту. «Стоять будем!» — шепчет мне Саша. Мы застыли как вкопанные и не шевелились несколько минут. Немцы сбрасывали с самолетов листовки: «Ленинградские матрешки! Не бойтесь бомбежки!»

В городе появилось много шпионов — мы их так называли. Это диверсанты, которые наводили немецкую авиацию на жизненно важные объекты: склады, предприятия. Они стреляли в воздух сигнальными ракетами — даже днем, — чтоб немцы видели, куда сбрасывать бомбы. Я сама видела выстрелы таких ракет. Благодаря таким наводчикам фашисты быстро разбомбили Бадаевские склады с продовольствием, газовый завод, электростанцию.

— Вы сами видели шпионов?

— Нет, ловлей шпионов занимались взрослые и мальчишки. А нам, девочкам, доверяли дежурить на крышах, тушить зажигательные бомбы. Их сбрасывали, чтобы устроить больше пожаров. Я однажды потушила такую бомбу — схватила ее клещами и опустила в бак с водой.

Фото Евгения Халипова

В первые же дни войны наша школа на улице Можайской превратилась в госпиталь. Туда везли и везли раненых. Мы с сестрой записались туда дежурить, получили белые халаты. Как мы этим гордились! Мы выносили горшки, мыли полы, стирали бинты, кто умел петь — пели раненым песни. Хотя я, когда увидела первого раненого, потеряла сознание от вида крови.

В другом крыле госпиталя мыли найденных на улицах потерявшихся детей. Одна девочка тянет меня за халат: «Тетенька, уберите его, — и показывает на тело в углу палаты. — Он умер и второй день рядом со мной лежит». А какая я тетенька — мне 15 лет...

Наверное, благодаря работе в госпитале мы выжили, потому что там кормили супом.

— А вообще продукты выдавали по карточкам?

— Карточки были, но мы получали продукты по спискам — в домоуправлении. Постепенно кольцо блокады сжималось, паяк был все скуднее. Дежурить мы потом перестали, лежали дома. Ели дуранду. Так блокадники называли жмых от семечек — прессованные серые кусочки, которые изредка продавали возле столовых. От дистрофии на теле выступили голодные пятна, на руках и ногах отросли длинные волосы. Но даже в такие времена люди держались вместе, помогали друг другу кто чем может. Однажды вечером пришла школьная подруга Надя, протянула что-то завернутое в тряпочку: «Тоня, я тебе кость принесла погрызть». Она дежурила в столовой и раздобыла этот мосолок.

— А как вы обогревались?

— К нам домой пришли военные, соорудили железную печь и сказали топить мебелью и паркетом. Мы так и делали. Когда немцы заняли Павловск (один из пригородов Ленинграда), там были две наши младшие сестры — 7-летняя Валя и 5-летняя Надя. Папа, когда узнал об оккупации Павловска, прямо с работы уехал туда спасать дочерей. Позже мы узнали, что он выводил их из оккупации три месяца, идя пешком по занятой врагом территории в Псковскую область, где у папы жили родители. Благодаря отцу, Сергею Андреевичу, мои сестры остались в живых, а сам он ушел в партизаны и погиб в 1944 году.

— А что стало с вашей матерью?

— Мама, Вера Филипповна, умерла от голода во время блокады. Просто уснула, и все. Пришли военные, завернули ее в покрывало и унесли. Маму похоронили в братской могиле. Так мы остались с сестрой вдвоем. Ближе к весне 1942 года к нам пришла женщина, военная, сказала, что всех детей вывозят из Ленинграда в первую очередь и что мы в списках на эвакуацию. Мы хотели остаться, ведь Ленинград — это наша родина. Женщина строго сказала: «Если вы останетесь, продукты вам давать не будут и вы умрете от голода!»

Когда пришел день эвакуации, нас посадили в открытые грузовики и повезли по льду Ладожского озера. Нашу колонну непрерывно обстреливали, и один грузовик утонул на наших глазах. Потом нас посадили на поезд, который шел на Северный Кавказ. Вместе с нами эвакуировали испанских детей — сирот войны 1938-1939 годов. Помню имена девочек: Кармина, Рошарио, Хосефина. У одной была фамилия Суфэнтос. Одна испаночка была очень слаба, я всю дорогу укрывала ее своим одеялом. Их тогда в Ленинграде было довольно много. Везде, куда прибывал наш поезд, вперед нас шла молва: «Ленинградских детей везут!»

«Мы никогда не падали духом»

«стр. 3 — К вам было особое отношение?»

— Да, все знали, что в Ленинграде страшный голод, все подходили, протягивали еду, кто какую может, — и военные и гражданские. Старались сунуть капустку, сухарик, шоколадку... К ним бросались медсестры: «Нельзя! Они могут умереть!» У нас еще были очень слабые желудки. Некоторые дети умирали в дороге, особенно мальчики.

Поезд шел 22 дня, и наконец нас привезли на станцию Виндельную, село Ипатово. Разместили в школе. Когда мы окрепли, нас отправили в поле травить сусликов — спасать урожай. Но вскоре и сюда пришли немцы. От неминуемой оккупации нас увезли в Куйбышев.

— Так ваша жизнь и связалась с Самарской землей?

— Да. Мы начали работать на авиационном заводе № 18 имени Ворошилова. Поначалу в цехе связи — плели провода, клеили репродукторы, дежурили на радиоузле. Пленных немцев заставляли специально для нас построить юнгородок. Там мы и жили. Мы все время хотели сбежать в Ленинград и даже как-то раз сели в поезд, но нас поймали и вернули в юнгородок. Когда мы узнали, что блокада снята, нашей радости не было границ!

— После войны вы были в родных местах?

— Да, в 1958 году. Наш дом так и остался стоять на том же месте, но в нем жила другая семья. Они пригласили нас в дом, уговаривали приезжать и останавливаться у них в любое время... Работая в Куйбышеве на авиационном за-

воде, я выучилась в техникуме, познакомилась со своим будущим мужем, Леонтием Александровичем, а в 1968 году мы приехали в Тольятти, на строительство Волжского автозавода. Муж работал в Управлении ВАЗа, я — в заводском ЖКУ. Воспитали сына, внуков, правнуков...

А Ленинград снится до сих пор: Васильевский остров, наш дом на 24-й линии. Не могу без слез читать стихи Иосифа Бродского: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать...»

— Как к вам сейчас относятся государство? С пенсией не обижают?

— Отношение хорошее. Путин нам поднял пенсию. Сейчас я получаю больше 18 тысяч рублей. И люди относятся очень хорошо,

когда узнают, что я блокадница. Но хочу сказать, что сейчас в обществе не хватает такой же заботы о детях, которая была в годы

моего детства. Тогда, как бы нам ни было трудно, государство нас никогда не оставляло.

Евгений Халилов

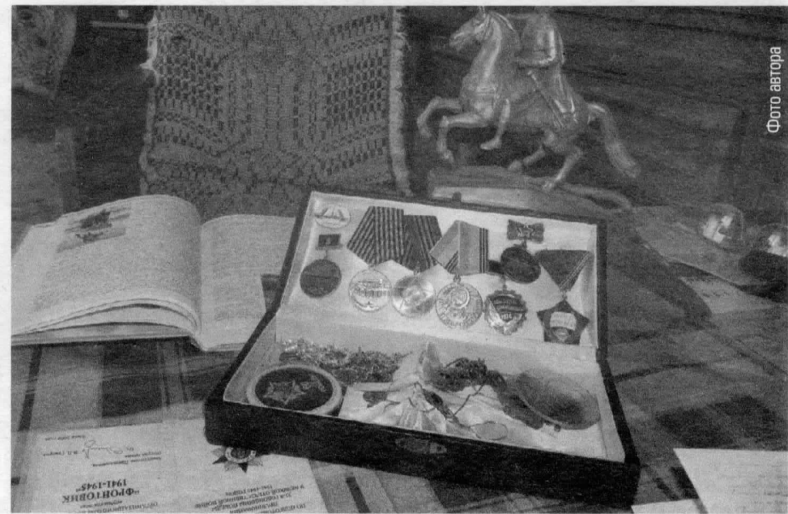

Фото автора